

Рассвет / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Рассвет / рассказ РАССВЕТ

Сегодня должен был приехать Саша. Аня следила за ним в соцсетях. “Вот что ты за человек, Хрюша? Все тебе во мне нравится. Так не бывает. Я говно, понимаешь? Говно,” – часто говорил он ей. “Нет,” – отвечала Аня. Каждый раз. И кажется, в конце концов Саша поверил. На Хрюшу она не обижалась. Он всех, кто ему по-настоящему нравился, называл грубо, будто до последнего пытаюсь оттолкнуть. Ну и... Да. Аня вечно на себя что-то проливала. Роняла. Садилась на окрашенное. Оказывалась под парящим голубем в самый неподходящий момент.

Обычно Аня просыпалась очень рано, но еще долго лежала с закрытыми глазами, представляя, как встанет с кровати, шлепая теплыми ступнями по холодному полу, как остановится у сонного кота и пошевелит пальцами ноги прямо перед его носом, за что, конечно, получит лапой, как включит музыку и будет танцевать, готовя завтрак. Потом Аня открывала глаза, осторожно перебиралась с кровати в инвалидное кресло и ехала будить бабушку.

Они жили в двухкомнатной квартире, совсем маленькой, если сравнивать с просторами улицы, и бесконечной – если говорить о времени, которое Аня в ней провела.

Бабушка Ани, Татьяна Александровна, спала, отвернувшись к стене. Ей было семьдесят четыре, она знала эту стену так хорошо, что уже не видела ее. На вид хрупкая, бабушка была необыкновенно выносливой и сильной. Платков на голову она никогда не повязывала, не горбилась и на свой возраст совсем не выглядела. Татьяна Александровна тоже просыпалась очень рано и потом просто притворялась, чтобы внучка могла ее разбудить. Но сегодня Аня так и не появилась, и встревоженная, бабушка встала сама.

– Аня! – крикнула она, впопыхах наступив на кота. – Мы проспали! Время-то уже десятый час!

Когда бабушка вошла в комнату, Аня лежала на кровати и смотрела в потолок. Татьяна Александровна наклонилась, и ее голова нависла над Аней, как непричесанная птица.

– Ты слышишь? Проспали! К врачу не попадем...

Аня перевела глаза на Татьяну Александровну, но ничего не ответила.

– Что молчишь? Ты не заболела? – бабушка дотронулась до ее лба.

– Нет, – скривилась Аня.

– А что тогда?

– На что ты готова, ради любви? – спросила она.

– Чего?

– Ну ради любви – на что готова?

– Эээ... – Татьяна Александровна зависла.

– Понятно.

– Что тебе понятно?!

– Ты о таком даже не думала...

– А ты, значит, думала? – бабушка заулыбалась.

– Угу, – Ане в кровать прыгнул кот и свернулся калачиком у нее на груди.

Татьяна Александровна не любила Сашу. Ей о том, что он приедет, Аня решила не говорить.

Бабушка открыла дверь. Аня въехала в кабинет Егора Семеновича, и сразу же резко притормозила. На месте заботливого старичка с ледяными руками сидела незнакомая женщина, крашеная блондинка лет сорока. Она доброжелательно улыбнулась Ане.

Ответной улыбки не последовало. Аня успела привязаться к Егору Семеновичу. В детстве у нее была книжка с картинкой, на которой земля держалась на слонах. Егор Семенович размерами более всего напоминал брелок на ключах, однако спокойствия и поддержки в нем было, как в настоящем большом мифическом слоне. Вся жизнь Ани покачнулась.

– А где Егор Семенович? – хмуро спросила бабушка.

– На пенсии. Меня зовут Жанна Сергеевна, я ваш новый врач. Вы проходите, не стойте на пороге.

Из открытой двери тянуло поликлиникой: томительным ожиданием,

унижением, болью и казенными растениями, которые выглядели лучше, чем пациенты, потому что проявлять заботу о людях несравнимо сложнее.

Бабушка закрыла дверь. Аня подъехала поближе к Жанне Сергеевне и увидела свою медицинскую карту у нее на столе.

– Я изучила ваши документы, – Аня вздрогнула, Егор Семенович с самого первого дня говорил ей ты. – У меня возникло несколько вопросов.

Аня заволновалась еще больше. Егор Семенович никогда ни о чем ее не спрашивал, на его приемах она просто сидела и слушала, как он разговаривал с бабушкой.

– Итак, Аня... – Жанна Сергеевна открыла ее медицинскую карту. – Травму вы получили год назад...

– Там же все написано, что спрашивать-то? – удивилась Татьяна Александровна.

– Не перебивайте, пожалуйста, я не договорила.

Бабушка поджала губы и отвернулась.

– Вы проходите программу восстановления уже...

– Десять месяцев, – снова вмешалась Татьяна Александровна.

– Да, десять месяцев, – Жанна Сергеевна замолчала. Со стороны могло показаться, что она сосредоточена на своем маникюре, но, конечно, дело было в другом. Жанна Сергеевна обратилась к Ане уже без улыбки: – Обычно пациенты восстанавливаются за полгода. Начинают ходить, вести полноценную жизнь...

– Ну не все, нам Егор Семенович... – поймав взгляд доктора, бабушка осеклась.

– Теперь я ваш врач, и поверьте мне, я не с потолка вам что-то рассказываю. У меня для этого есть все необходимые знания и опыт. Ваша Аня уже должна была пойти... Время ваше, конечно, но...

– Но что? К чему вы ведете? – у бабушки выступили слезы.

Аня тупо уперлась глазами в горку календаря, стоящего на столе. Она почти не дышала от страха. “Это что – навсегда?!” – пронеслось у нее в голове.

– Мне нужно поговорить с Аней наедине. Вы позволите? – доктор встала, чтобы лично проводить Татьяну Александровну до двери.

– Мне выйти, что ли?

– Пожалуйста.

Бабушка с тревогой посмотрела на Аню. Аня несмело кивнула. Когда бабушка вышла, Жанна Сергеевна по-свойски села рядом с Аней в кресло для посетителей. Ее лицо больше не выглядело доброжелательным. Доктор наклонилась к Ане и тихо проговорила:

– Тебе не стыдно?

– В смысле? – еще не совсем понимая, отреагировала Аня.

– Я думаю, ты притворяешься.

Аню как будто ударили. И как это бывает в таких случаях в первые секунды она не почувствовала боли, только гнев.

– Взрослая корова, 18 лет. В школу ходить не надо, ничего делать не надо, пылинки с нее сдувают... Думаешь, всех обманула? Видела я таких. Что глазенками своими хлопаешь? Бабушку бы пожалела!

На улице у чьей-то машины сработала охранная сигнализация. Внутри у Ани вот также нарастал крик.

Жанна Сергеевна встала:

– А ну вставай!

– Я не могу, – Аня охрипла.

– Не слышу!

– Я не могу!

Доктор схватила Аню за руку и потянула на себя.

– Вставай!

– Не трогайте меня! – вырвалась Аня.

– Тогда сама вставай и иди отсюда, чтоб я тебя здесь больше не видела! – прошипела Жанна Сергеевна.

После расставания с Сашей Аня почувствовала себя... вернее перестала чувствовать себя, только потерю и пошла на эти чертовы качели, зная, что они сломаны и опасны... После падения ей было очень больно, но удивительным образом стало легче. Вот и сейчас... Аня узнала это состояние и уже больше не думала, запретила себе. Она спустила ступни с подножки, подтянулась на руках и, не продержавшись на своих не слушающихся ногах и пары секунд, рухнула на пол. Аня успела подставить руки, но все равно... Ударилась головой. Лицом.

– Ааа! – заорала от боли Аня.

– Ты больная, что ли?! – доктор никак не ожидала такого развития событий. – Ты что наделала?!

– Аня! Анечка! – вбежала бабушка.

Аня ждала, но легче ей не стало.

У Ани болели руки и шишка на лбу. Всю дорогу в автобусе она сидела, полузакрыв глаза. Обычно ей очень нравилось смотреть в окно, но сейчас от боли ее мутило. Она чувствовала себя бессмысленной и пустой, и все вокруг казалось ей таким же.

– Блинчики будешь? – спросила бабушка.

– Нет.

– Я варенье малиновое открою...

– Не хочу.

– Что же ты будешь есть?

– Ничего.

– Давай таблетку дам, ну что ты мучаешься?

– Я же сказала. Не надо.

Пассажиры помогли Татьяне Александровне вынести кресло с Аней из автобуса, и идти до дома оставалось всего-ничего, как вдруг бабушка остановилась.

– Бабуль? – открыла глаза Аня.

Тетю Любу, соседку с верхнего этажа, Татьяна Александровна увидела издалека. Избежать встречи с ней было уже невозможно. Бабушка тяжело вздохнула и обреченно двинулась навстречу судьбе.

Муж тети Любы утонул, когда их сын Саша пошел в первый класс. Она переживала страшно. Запила. Дошло до того, что Татьяна Александровна пригрозила пожаловаться в органы опеки. Так непросто приходилось Саше. Тетя Люба собралась... Пить стала тихо... Научилась скрывать... Но бабушка, конечно, знала.

– Ой, Татьяна Александровна! Привет, Анька! – к ним подлетела тетя Люба, и зимой, и летом носившая солнечные очки. – Вы заходите к нам сегодня. Сопляк мой, Сашка, приехал. Я пирог испеку.

Аня замерла. Мысленно она разговаривала с ним каждый день, она звала его по ночам. О том, что они с Сашей дружили, знали все, а обо всем остальном... Нет. Поэтому Аня сидела сейчас, пытаясь сыграть, вспомнить, как это – когда ничего не было...

– Да мы.... – начала бабушка, осторожно поглядывая на внучку. Та

явно нервничала. – Не знаю...

У них во дворе была детская площадка, несколько парковочных мест и лавочки, все мамочки и старики на которых, как по команде, повернулись к разговаривающей с тетей Любой Татьяне Александровне. Слова, взгляды, жесты – они жадно впитывали все, чтобы потом обсудить.

– Приходите-приходите. Знаете, какой он у меня стал? Покажу, – тетя Люба вся светилась и даже повысила голос, чтобы всем точно было слышно: – Летнюю сессию сдал на все пятерки!

– Какой молодец, – похвалила бабушка.

– Да... – тетя Люба сделала паузу, чтобы справиться с эмоциями, а после сменила тему: – А как у Светки дела? Собака лесная! Не звонит и не звонит...

– Да вроде все хорошо.

– Приехать-то думает?

– Пока не понятно, – Татьяна Александровна бросила взгляд на часы. Тетя Люба проигнорировала намек.

– Анька еще больше на отца стала похожа... Сейчас прям копия... Ну свинота эта красавцем-то никогда не был, зато обаяния – море, душа любой компании! – тетя Люба погладила Аню по голове, словно той шесть. – Навещает хоть?

– Нет, – ответила Аня.

– Люба... – не выдержала бабушка.

– Ладно-ладно, молчу. Да и пора мне уже. Я ж на пару минут, до магазина и обратно выскочила. Приходите сегодня, я вас жду! Светке привет!

И умчалась, оставив после себя целый вихрь мыслей. Бабушка стояла в этом вихре, как землянин, которого пришельцы только что вернули из космоса. Мама Ани, Света, ни с кем особенно не дружила. Она еще в детстве решила не задерживаться в родном городке и все свободное время тратила на учебу. Замужество задержало ее на десять лет, но потом... Татьяна Александровна это видела... Как только ее брак развалился, Света уехала легко, воплощая давнюю мечту. Деньги она высылала ежемесячно, иногда звонила, но не приезжала. Уже пять лет Аня росла с маминым голосом в трубке. Куда смотрела Люба? Почему не замечала очевидного?

Бабушка все не двигалась, провожая взглядом удаляющуюся соседку, и столько было в нем, что Аня забеспокоилась.

– Бабуля! Бабуль!

– Да?

– Я буду блинчики.

– Вот и хорошо.

Татьяна Александровна вдруг наклонилась и поцеловала Аню в макушку.

– Мы же договорились... – пробурчала внучка.

– Да-да, ты уже взрослая. Прости.

Татьяна Александровна покатила Аню дальше.

У подъезда они остановились. Лето тянулось на солнышке, как теплый, только что проснувшийся кот. Июньский воздух так ласков... Пока бабушка искала в сумке ключи, Аня не чувствовала кресла под собой, только легкое прозрачное внимание вокруг и ощущение полета, которое оно рождало. “Сашка приехал”... – снова и снова звучали в ее ушах слова тети Любы. Аня запрокинула голову и закрыла глаза. Она хотела его увидеть и, вместе с тем – не могла.

– Все ссорятся, потом мирятся... На этом мир держится, – сказала Татьяна Александровна, когда они поднялись домой.

– Мм, – без энтузиазма промычала Аня.

– Вам с Сашей просто нужно поговорить.

– Ты зачем мне это говоришь?

– Может, все-таки пойдем? – Татьяна Александровна подмигнула Ане, пытаясь снять напряжение.

– Куда? – спросила Аня, затягивая время. Она знала ответ.

– К Любе. На пирог, – терпеливо уточнила бабушка.

– Там же Саша.

– Вот именно!

– Ты же его социопатом называла.

– Называла. Но люди же меняются. А раз меняются, я тоже... кхм кряхтя... пытаюсь.

Татьяна Александровна рассчитывала, что Аня улыбнется. Но та скривилась, как будто ей в рот попало что-то горькое:

– Нет.

– Ну что нет? Думаешь, я не вижу, что ли? – расстроилась Татьяна Александровна.

– Нет.

– Вот коза, – тихо выругалась бабушка.

– Что?

– Сил моих нет, слышишь?

– Слышу. Это невежливо.

Вместо ответа, Татьяна Александровна оставила Аню одну.

Вечером Аня сидела в своей комнате. Она смотрела, как в свете настольной лампы преображаются безыскусные обои с цветочным рисунком. Вырванные из тьмы, как из земли, цветы на них умирали. И что мучило Аню особенно: в этот момент она понимала, что в них была жизнь.

На столе перед Аней лежал мобильный телефон. Время от времени она ладонью протирала его экран. Такая у нее была привычка, когда она ждала звонка. Бабушка за стеной смотрела телевизор. Тот звучал тихо, невнятно. Раньше его звук успокаивал Аню. Сейчас же все было по-другому. Она не узнавала свою комнату, не узнавала себя. Ее знобило. Но не от холода, а от тоски. “Мамочка... – повторяла она про себя. – Мамочка...” И зажимала рот кулаком.

Бабушка постучала. Потом зашла в комнату. Аня заметила, что одна из пуговиц на ее домашнем халате не застегнута. Она надела его наспех, поверх ночнушки.

– Москву показывают. Пойдем смотреть, – у Татьяны Александровны горели глаза.

Аня поехала за бабушкой. По телевизору мелькали кадры какого-то городского праздника, но их не интересовали подробности веселья. Обе в толпе искали глазами Свету.

– Ну что? – с надеждой спросила Татьяна Александровна, беспомощно щурясь.

– Красиво, – ответила Аня.

Когда сюжет о Москве закончился, она застегнула бабушке пуговицу и вернулась к себе в комнату.

На следующее утро в дверь позвонили. Бабушка открыла. На

пороге стоял Саша. У него в руках была большая тарелка с несколькими кусками пирога.

– Вот, мама передала, – сказал он.

Саше едва исполнилось 20, он учился в Санкт-Петербурге, в институте МЧС. В их маленьком провинциальном городке он был такой один.

Аня подъехала к двери, чтобы посмотреть на него. Он повзрослел, возмужал, стал носить усы. Аня заулыбалась. “Усач,” – так друзья и даже мама называли отца.

– Спасибо, – бабушка взяла тарелку. – Ты надолго?

– На пару недель. Потом опять только через год. Дорого так ездить, – Саша увидел Аню и замолчал.

– Зайдешь? – спросила Татьяна Александровна и, заметив, что он колеблется, стала настаивать: – Заходи, чаю попьем.

– В другой раз, я на улицу собрался. Могу с Аней погулять. Ну, если...

Бабушка повернулась к внучке. Та разглядывала свою коленку, торчащую из-под юбки, и не проявляла никакого интереса к предложению Саши.

– Ей еще зарядку нужно сделать, ты иди один, наверное... – сказала Татьяна Александровна.

– Нет, я пойду, – вдруг решила Аня.

– Мороженое будешь? – спросил Саша, когда они проходили мимо ларька.

Вдоль улицы росли деревья и ездили машины, одни стремились вверх, другие вперед. Солнце светило Ане прямо в глаза, но она все равно видела этот крест.

– Буду.

– Эскимо?

– Да. Ты экстрасенс?

– Есть немного, – скромно согласился Саша.

Он купил мороженое. Они зашли в сквер, Саша сел на скамейку. Он тоже взял себе эскимо, и прежде чем начать есть, дотронулся своим мороженым до мороженого Ани, как будто чокнулся.

– За встречу, – торжественно произнес он.

Саша испачкал мороженым усы. Ему было все равно. Он ел так

вкусно, так сладко... Ане же казалось, что ей досталось бракованное мороженное. Она ничего не чувствовала, кроме холода.

– Какие новости? – спросил Саша.

– Никаких. А у тебя?

– Под Питером торфяники горели, людей не хватало, и нас привлекли к тушению. Мы туда ночью приехали. Но было без разницы: все горит, светло. Там все серьезно было, я первый раз в таком участвовал.

– Здорово.

– Я человека спас. Вытащил его. Мужик чуть не задохнулся, гражданский, не знаю, может, волонтер.

– И какие ощущения?

– Ну... Мне понравилось.

Аня представила дым и тело, лежащее на земле. Суматоху, болтающуюся внутри ночи, как мотылек за стеклом, и несколько коротких минут, отделявших чью-то жизнь от смерти.

– Вы почему вчера не пришли? – Саша забрал у Ани пустую палочку и, сложив со своей, бросил в урну.

Аня отмахнулась от осы. Та жужжа вернулась.

– Оса... – чуть не плача воскликнула Аня. – Я так боюсь ос!

– Так почему? – повторил Саша, проигнорировав испуг Ани.

Аня попыталась отъехать. Коляску заклинило.

– Пожалуйста, помоги мне!

– Она ничего тебе не сделает! Ты ответишь или нет? – Саша явно злился.

Аня не слушала его. Она продолжала отмахиваться от осы. Тогда он встал на колени перед коляской и повторил тихо, вкрадчиво, глядя Ане прямо в глаза:

– Она ничего тебе не сделает. Не бойся. Главное – не бояться.

Аня увидела, как лицо Саши дернулось от боли. Оса укусила его в шею.

– Больно? – растерявшись, спросила Аня.

– Нет.

Она наклонилась и обняла его.

– Прости меня, – сказала она.

– Давно простил. А ты себя... простила?

– Ну...

– Как ты оказалась в коляске?

Аня с удивлением обнаружила, что Саша уменьшился.

– Как ты оказалась в коляске? – повторил он, на этот раз его голос звучал тише.

– Да глупость, несчастный случай. Выбрала не те качели ночью...

– Аня продолжала удерживать Сашу в объятьях, избегая смотреть на него.

– Мне мама передала – это на следующий день после отъезда произошло... – еще меньше, еще тише.

– Да...

– Ты думала, я вернусь? – совсем издалека.

Аня обнаружила, что Саша сдулся и плоской оболочкой выскользнул из рук... Отвечать было некому.

– Аня! – бабушка потрясла ее за плечо. – Ты не ложились, что ли?

Аня сидела за столом у себя в комнате, перед ней лежал телефон.

– Сколько времени? – спросила она.

– Утро. Ты что будешь на завтрак?

– Пирог.

– Пирог? – удивилась бабушка.

Аня вспомнила, что они с Сашей уже год не виделись. Он не брал трубку, не отвечал на ее сообщения в сетях. И, конечно, никакого пирога Саша им сегодня не приносил.

О своей травме Аня ничего не читала. Даже когда ей специально кидали “ну очень полезные ссылки”. Ане казалось, что если она чего-то не знает, то этого нет, и с ней все в порядке или скоро будет.

Однако сегодня Аню вдруг прорвало. Весь день она жадно гуглила и с крайним вниманием изучала все, что попадалось. Писали, что исключения есть. Небольшой процент пациентов с ее диагнозом навсегда оставался в коляске. “Неуклюжая моя Хрюша...” – звучал в голове Ани голос Саши. С ее везением...

– Ты чего это? – под вечер в комнату зашла бабушка.

У Ани лицо опухло от слез.

– Есть хочу, – мрачно ответила она.

– Большая проблема... Ну сейчас что-нибудь приготовлю, – Татьяна Александровна заторопилась на кухню.

“И кому только достанется такое сокровище?” – услышала Аня ее голос из коридора. Бабушка часто так говорила. “Я все слышу!” – обычно отвечала Аня. Это была их шутка, любимая. Но сегодня сил на нее у Ани не хватило.

– Никому! Никому! – ее затрясло. – Никому! Никому! НИКОМУ!

– Тише! Тише! – вбежала в комнату бабушка.

Под утро Аня проснулась от громкой музыки в квартире выше. В той самой, где жила тетя Люба и куда приехал погостить Саша. Аня собиралась перевернуться на другой бок и снова заснуть, но что-то ей помешало... Она открыла глаза. Отчаяние. Отчетливое, ясное, как открытое окно. Аня ничего не могла изменить. Все сделанное останется с ней. Навсегда. Аня боялась захлебнуться в этом чувстве, как в собственной крови. Минута, другая... Ничего не закончилось. Аня села в кровати. Эта музыка...

Аня перебралась в кресло и поехала к бабушке. Татьяна Александровна крепко спала, отвернувшись к стене. Ее маленькое тело в свете луны выглядело таким усталым, что Аня передумала ее будить. Какое-то время она просто смотрела, как спит бабушка, но потом спохватилась. Наверху продолжали шуметь. Аня решительно поднялась из своего кресла и вышла из квартиры. Она и сама не поняла, как ей это удалось.

В пролете лестницы у открытого окна курила девушка, яркая, праздничная, но при этом какая-то потерянная. Так выглядят подаренные цветы. От девушки пахло спиртным, она стояла, глубоко задумавшись.

– Простите, – обратилась к ней Аня.

Девушка протянула ей пачку сигарет. Аня взяла одну. Девушка ей прикурила. И только когда Аня сильно закашлялась, девушка с ней заговорила.

– С тобой все в порядке?

– Я не курю, – ответила Аня.

– Так бы сразу и сказала.

Девушка забрала у нее сигарету и выбросила в окно.

– Ты из восьмьдесят девятой? – спросила Аня.

– А что?

– Вы шумите очень.

– А я думаю, что ты в пижаме... Сейчас Саше скажу, ты прости. Он уезжает завтра. Все собрались, провожаем... Ты знаешь Сашу?

– Да.

– Ну да, конечно, вы ж соседи. В общем, он уезжает завтра.

Аня заметила, что девушка сильно нервничает, сигарета в ее руке догорела почти до фильтра, но она не выбрасывала ее, так и стояла с ней, как будто собиралась сделать еще затяжку.

– Я не хочу, чтобы он уезжал, – призналась девушка, не дождавись ответа от Ани. – Не хочу, понимаешь?

Аня кивнула. Из квартиры вышел Саша.

– Маш, ну я же сказал курить на улице! Тебе сложно запомнить?

– он спустился к ним по ступенькам. Увидев Машу и Аню вместе, Саша остановился. – Хрюша? То есть, прости... Аня...

Усов у Саши не было. Но он все равно очень сильно изменился: перед ней стоял приятный молодой человек в фартуке поверх модной рубашки. Он машинально вытирал руки кухонным полотенцем. Такого Сашу Аня не видела никогда. Она помнила его агрессивным неформалом с длинным списком приводов в полицию. В нем было поразительное сочетание ума и злости. Он мог все.

– Кто это? – спросила Маша.

– Подруга детства, – сказал Саша.

И Аня, и Саша жили в этом доме с рождения. Саша всегда был частью жизни Ани. В 13 он впервые предложил ей секс, в 14 она решилась.

– Я вижу, ты ходишь, – заметил Саша.

– Хожу.

– Мама передавала, ты инвалид и передвигаешься на коляске...

– Так это она... – Маша обняла Сашу и с вызовом посмотрев на Аню. – Опять наврала, да?

Когда Саша закончил школу и собрался поступать в Питер, Аня, до этого убеждавшая его в том, что он достоин большего, испугалась. Как оказалось, жизнь без него Аня себе не представляла. Она наврала, что беременна. Саша поверил ей,

ведь Аня была единственной, кто его никогда не обманывал... А потом вскрылась правда. С тех пор они не виделись.

Саша забрал у Маши пачку сигарет и закурил.

– Я так и знал, что это ложь, – Саша криво усмехнулся.

– Когда же ты оставишь его в покое?! – Маша бросила на Аню презрительный взгляд, а потом уткнулась Саше лицом в грудь, и он, наконец, обнял ее.

– Не верь ей, – жалобно попросила Маша.

– Я и не верю, – Саша поднял глаза на Аню. – Что тебе нужно?

Она в каком-то оцепенении наблюдала, как все вокруг становится таким же реальным, как боль у нее внутри.

– Я из-за музыки поднялась. Не шумите так, пожалуйста, – попросила Аня. – Бабушку разбудите.

Саша помолчал.

– А тебе она что сказала? – спросил он у Маши.

– То же самое, – ответила она.

– Понятно, – Саша потушил сигарету. – Сейчас скажу ребятам.

– Счастливого пути.

– В смысле? – он с недоумением посмотрел на Аню.

– Ты же уезжаешь. Счастливого пути.

– А ну да. Спасибо, – сдержанно поблагодарил Саша.

Аня развернулась и пошла вниз. Она спустилась на этаж ниже, потом еще на один, потом еще, и вышла на улицу. У нее перед глазами еще стоял повзрослевший Саша, которого, очевидно, ждало большое будущее. Небо светлело. Над городом поднималось солнце. Нет-нет, Аня была за него очень рада, но все-таки не удержалась и горько заплакала, глядя на этот рассвет.

Об авторе: ЕЛЕНА САМОРЕДОВА

Прозаик, драматург. Родилась в Калининграде. Окончила факультет географии и геоэкологии БФУ им. Канта и киношколу Cinemotion в Москве. Публиковалась в журнале «Дружба народов». Шорт-лист международного драматургического конкурса «Ремарка», лонг-лист литературной премии «Лицей». Neкаýalar